

50 ЛУЧШИХ АВАНТЮРНЫХ ДЕТЕКТИВОВ

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

*Сжигая за собой
мосты*

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Редактор серии *Л. Латышова*

Оформление серии *Д. Сазонова*

Полякова, Татьяна Викторовна.
П54 Сжигая за собой мосты : [роман] /
Татьяна Полякова. — Москва : Эксмо,
2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-232106-1

Старая узкая улочка в Венеции... Незнакомец в белом балахоне, мелькнувший в толпе... И бездыханное тело самого близкого человека — моего отца... Именно после смерти папы я узнала, что в нашей семье есть какая-то тайна. Пытаясь разгадать ее, и погиб мой отец. Ключ к ней — пачка старых писем и записная книжка. За ними идет настоящая охота. Теперь из родных у меня осталась только сестра. И вот когда мне нужно думать лишь о том, как остаться в живых, нас с сестрой угораздило влюбиться. По самые уши, да еще в одного и того же парня...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-232106-1

© Полякова Т.В., наследники, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Но только она одна может заставить
его сердце плакать...

«Аль Пачино» («Банд'эрос»)

Отец хотел, чтобы я ехала первым классом. Он любил повторять: «Ты должна выбирать все самое лучшее». По мне, так и второй совсем неплох, вся разница в том, что в первом классе приносят скверный кофе, по крайней мере здесь, в скором поезде, на успевшем стать привычным отрезке пути от Болоньи до Венеции. Однако я все-таки купила билет в первый, зная, что отец будет встречать меня на вокзале и, разумеется, ему не понравится, что я его ослушалась.

Последнее время мы виделись нечасто, уже четвертый год я жила в Италии, училась в Болонском университете. Отец остался в России, у него давно была другая семья. Моя мать умерла, когда мне было четырнадцать, с отцом они развелись через два года после моего рождения. Когда случилось несчастье, меня хотела забрать к себе тетка, но папа настоял, чтобы я жила с ним, то есть в его семье. Как ни странно, эти несколько лет теперь казались мне самыми счастливыми в моей жизни. Рядом был отец, сводная сестра, с которой мы очень подружились, несмотря на разницу в пять лет, что в таком возрасте весьма существенно. С Музой, женою отца, отношения сложились тоже на редкость хорошие. В общем, о том времени я неизменно вспоминала с большой теплотой. Это вовсе не значит, что в Италии мне жилось плохо. Нет. Напротив. Мне все здесь нравилось или почти все. Но семьи все-таки не хватало, потому я при каждом удобном случае отправлялась домой и очень радовалась редким приездам отца.

6 Вчера он позвонил довольно поздно, ближе к одиннадцати вечера, и сообщил, что прилетел в Верону. Обычно о своем приезде он предупреждал заранее, и этот неожиданный звонок меня слегка удивил.

— Что-нибудь случилось? — на всякий случай спросила я.

— Нет, все в порядке, — поспешно ответил он. — Не смог отказать себе в удовольствии повидать тебя, оттого и собрался за три дня.

Отец занимался бизнесом, в Италии у него были деловые партнеры, так что его слова меня не удивили.

— У меня мало времени, я не смогу приехать в Болонью.

— Хочешь, чтобы я приехала? — спросила я.

— Хочу, только не в Верону, а в Венецию. У меня там встреча с одним человеком.

— Хорошо, я приеду, — ответила я.

— Извини, если нарушил твои планы, — засмеялся отец.

— Даже если бы и нарушил, я все равно очень рада, что увижу тебя.

В общем, это был ничем не примечательный разговор, и, отправляясь в Венецию, я и подумать не могла, чем закончится моя поездка.

Я пила скверный кофе, смотрела в окно и радовалась предстоящему свиданию. А еще пыталась угадать, как встретит меня Венеция. В смысле погоды этот город еще более непредсказуем, чем Санкт-Петербург, где я жила некоторое время до смерти мамы.

— Обещали солнце, — будто читая мои мысли, сказала сидящая рядом со мной дама лет семидесяти, поглядывая в окно.

Последний раз я была в Венеции месяц назад, в феврале. Тогда город окутал туман, да такой, что в двух метрах от себя ничего не увидишь. Прогулка не доставила мне удовольствия, и большую часть времени я провела в музеях.

Я достала книгу и, устроившись поудобнее, начала читать, то и дело возвращаясь мыслями к отцу. Жаль, что мы будем вместе всего несколько часов. Потом подумала, что впереди каникулы, я смогу поехать домой... Подруга предлагала отправиться в Париж, впрочем, эта поездка займет неделю, не больше, а потом к родным...

Поезд чуть сбавил ход, и за окном показалась ровная гладь воды под ярким мартовским солнцем. Санта-Лючия. Пассажиры оживились, самые нетерпеливые доставали багаж, дама рядом со мной удовлетворенно кивнула:

— Солнце. Прекрасный день.

Наконец поезд замер на перроне. Я вышла из вагона одной из первых и сразу же увидела отца. Он стоял в нескольких метрах от меня в светлом плаще нараспашку, махнул мне рукой и шагнул навстречу. Мы обнялись, поцеловались, он отошел на шаг, не выпуская меня из объятий, и сказал весело:

— Господи, какая ты взрослая... и настоящая красавица.

— Взрослая? — хихикнула я. — Хочешь сказать, что время быстро бежит и я уже успела постареть?

— В твоём возрасте, дорогая, смешно говорить о старости.

— В твоём тоже, — улыбнулась я.

— Лучше бы ты не напоминала об этом, — покачал он головой. — Грустно это сознавать, но твой отец уже старик, что бы ты ни говорила в припадке дочернего великодушия.

— Ты отлично выглядишь, — заверила я, ничуть не покривив душой. Отец отметил свое шестидесятилетие три года назад, но выглядел лет на десять моложе. Высокий, подтянутый, в темно-каштановых волосах седины почти нет, карие глаза смотрят на мир с любопытством. Янка, моя сестра, утверждала, что волосы отец красит; если это и так, то правильно делает.

Однажды в ресторане нас приняли за любовников, отца это разозлило, а мне, напротив, показалось забавным.

— Давай твои вещи, — сказал он, продолжая улыбаться.

8 — Какие вещи? У меня в рюкзаке только книга и бутылка воды.

— Путешествуешь налегке?

— Ты же сказал, что сегодня уедешь?

— Да, к сожалению.

Болтая, мы пересекли вокзал и вышли к каналу.

— Какие у тебя планы? — спросила я.

— В пять у меня встреча. До этого времени я свободен.

Правда, есть еще небольшое дельце. Надо навестить одного знакомого, он живет тут неподалеку. Ты не против прогуляться?

— Нет, конечно. Рассказывай, как там Янка, как Муза?

— Подозреваю, о Янкиных делах ты знаешь больше, чем я. Судя по телефонным счетам, она звонит тебе каждый день.

— Трижды в неделю, — улыбнулась я. — И трижды звоню я.

— Рад, что у вас такие отношения, — серьезно сказал отец.

— Мы же сестры.

— Да, конечно. — Отец вдруг нахмурился. Теперь, приглядываясь к нему, я поняла, что он чем-то озабочен.

— У тебя правда все в порядке? — нерешительно спросила я.

— Конечно, — кивнул он. — Я не стал бы тебе врать. Ты ведь мой лучший друг.

По мосту мы перешли на другую сторону канала, нас сразу же подхватил поток туристов.

— Где живет твой знакомый? — задала я вопрос, стараясь не отстать от отца: он шел очень быстро, поглядывая по сторонам, точно кого-то высматривая в толпе.

— Всего в трех шагах отсюда у него антикварный магазин.

— Ты стал интересоваться антиквариатом? — удивилась я. Как ни странно, вопрос вызвал у отца легкое замешательство.

— Нет, просто хотел поболтать со знакомым.

Наличие у отца знакомых в Венеции меня удивило. За три с половиной года, что я в Италии, отец приезжал раз шесть, не больше, в основном в Верону, где, собственно, и находились его поставщики. По-итальянски отец говорил неплохо и в переводчице не нуждался, но, приезжая сюда, старался как можно больше времени проводить со мной. Он сказал «знакомый», следовательно, предстоящая встреча вряд ли будет деловой. Я хотела спросить его об этом знакомом, но потом решила: не стоит, раз уж скоро я сама его увижу.

Пройдя вперед еще метров пятьсот, мы свернули направо и оказались в узкой улочке, где дома лепились друг к другу, а от окна до окна напротив можно было достать рукой. На ближайшем доме висела вывеска «Антиквариат», над дверью балкончик, заставленный горшками с геранью.

— Ну, вот мы и пришли, — кивнул отец на вывеску. — Послушай, ты ведь, наверное, голодна, нам нужно было сначала где-нибудь перекусить...

— Не волнуйся, с голода я не умру. Что у тебя здесь за знакомый? — все-таки не выдержала я.

— Сейчас узнаешь, — усмехнулся отец. — Занятный тип, кстати сказать.

Он первым направился к двери, толкнул ее, звякнул колокольчик, и мы вошли в маленький магазинчик. Комната метров тридцать была заставлена старой мебелью, на которой громоздились тарелки, горшки, подсвечники, вазы, старые куклы в затейливых платьях. На стенах висели гравюры вперемежку с фотографиями в изъеденных жучком деревянных рамах. Посреди всего этого хаоса стояла конторка, рядом с которой в кресле сидел сухонький старичок. Седые волосы в разные стороны, под ними видна кожа, покрытая крупными темно-коричневыми пятнышками. Лицо старика изрезано глубокими морщинами, довольно внушительных размеров нос, а вот рот был до того мал и узок, что с трудом угадывался. Самым замечательным у него были глаза: большие, с набрякшими веками, они не потеряли своей небесной синевы и казались на этом

10 лице чем-то инородным, неприлично молодым. Выпуклый лоб украшали очки в роговой оправе.

Услышав, как звякнул колокольчик, старик повернулся к нам и водрузил очки на нос.

— Добрый день, — сказал он приветливо.

— Добрый день, — ответил отец, подойдя ближе.

Вне всякого сомнения, это не было встречей двух старых приятелей: до тех пор пока отец не подошел почти вплотную, старик вежливо улыбался, приглядываясь к нам, как видно приняв нас за потенциальных покупателей. Может, зрение у него было совсем плохим? И по голосу отца он тоже не узнал. Но улыбка сползла с его лица, как только папа представился. Старик кивнул, поднялся, опираясь на подлокотник кресла, и протянул ему руку.

— Наконец-то, — сказал он ворчливо.

— Извини, не смог приехать раньше, — ответил отец. — Как твои дела?

— До сих пор жив, как видишь, — засмеялся старик. — Чего еще желать в моем возрасте? Сердце на днях прихватило, боялся помереть раньше, чем ты появишься. Это твоя дочь? — кивнул он в мою сторону.

— Да. Что, похожа на меня?

— Не знаю. Просто вряд ли ты сюда привел бы кого-то другого.

— Бумаги у тебя? — спросил отец.

— Конечно.

К этому моменту я с большим интересом прислушивалась к разговору, он показался мне довольно странным, если не сказать загадочным. Отец посмотрел на меня и мягко предложил:

— Выбери себе что-нибудь на память.

Я сообразила, что от меня попросту хотят избавиться, и с некоторой обидой отошла к противоположной стене магазина. Обида была простительна, я, как и большинство людей, любопытна. Отец склонился к старику, и тот очень тихо что-то говорил ему. Отец хмурился, время от времени кивая и делая вид, что разглядывает статуэтки на полке.

Я наблюдала за ними. Он в очередной раз кивнул и выпрямился. Старик, сделав пару шагов к конторке, отпер ключом один из ящиков и достал обычный конверт из желтоватой бумаги и протянул отцу. 11

— Что-нибудь выбрала? — спросил тот, взяв конверт и поворачиваясь ко мне.

— Вряд ли мне захочется здесь что-нибудь купить.

Теперь я стояла рядом с отцом и хорошо видела конверт в его руках, он постукивал им по ладони и, похоже, совсем меня не слушал.

— Да? — с сомнением спросил он по-русски. — Жаль. Мне казалось, тебя что-нибудь заинтересует.

Больше всего в тот момент меня интересовал вопрос, что ему здесь понадобилось, но задавать его я не спешила, будет еще время. Отец, точно опомнившись, достал из внутреннего кармана пиджака другой конверт с названием отеля на нем и протянул его старику. Почему-то я была уверена, что в конверте деньги, и это еще больше заинтриговало меня. Старик взял его, высохшая старческая рука с искалеченными артритом пальцами тоже была сплошь покрыта темными пятнами. Металлический браслет часов был ему великоват, часы сползли к самой кисти, и я обратила внимание на татуировку, которая до этого была скрыта под ними. Свастика. Я невольно нахмурилась. Старик убрал пакет в ящик конторки, а отец сунул свой в карман пиджака. Антиквар посмотрел на меня и улыбнулся.

— До свидания, — сказал ему отец и направился к двери.

Тот кивнул в ответ и опустился в кресло, вроде бы потеряв к нам интерес.

Мы вышли на улицу. Колокольчик за моей спиной вновь мелодично звякнул.

— За углом есть очень симпатичное кафе, — сказал мне папа. — Выпьем кофе, поговорим. Времени достаточно.

Я бы предпочла прогуляться, но наш визит к старику очень меня заинтриговал, и я согласно кивнула: задавать вопросы, сидя друг против друга в кафе, куда удобнее, это больше располагает к доверительной беседе.

12 В зале были заняты почти все столики, мы устроились возле окна, которое выходило на канал. Мимо прошла группа японских туристов, громко о чем-то разговаривая, их голоса были слышны даже здесь. Мы не спеша сделали заказ, официант отошел, улыбнувшись нам, а я отправилась мыть руки. Туалет находился за дверью в глубине зала. Возвращаясь, я увидела: отец держит в руках лист бумаги и внимательно что-то читает. Возле его локтя на столе лежал конверт, тот самый, что он взял у старика. Почувствовав мой взгляд, он обернулся, быстро свернул листок, убрал его в конверт и сунул в карман пиджака чересчур поспешно, будто не хотел, чтобы я его увидела.

— Меня просто распирает от любопытства, — засмеялась я, садясь напротив.

— Ты о чем? — делано удивился отец.

— Я и предположить не могла, что у тебя есть знакомые в этом городе.

— Вот как? — Отец пожал плечами, и стало ясно: он вовсе не собирается развивать эту тему.

— Занятный старик, — не отставала я: уж очень сильно было любопытство.

— Обычный, — усмехнулся отец.

— У него на руке татуировка. Ты заметил?

— Конечно. Не забывай, Италия — родина фашизма, так что это, скорее всего, грехи молодости.

— Он такой старый?

— Если не ошибаюсь, в сорок пятом ему было девятнадцать.

— Вы давно знакомы?

— Виделись до этого пару раз. Меня познакомил с ним приятель.

— Мне кажется, тебя раздражают мои расспросы, — помолчав, заметила я.

— Вотсе нет, — покачал он головой и как-то странно посмотрел на меня. Точно прицениваясь. Или размышляя, стоит ли продолжать.

— Ты дал ему деньги?

13

На этот вопрос отец отвечать не спешил, уставился в окно, наблюдая за бесконечной вереницей туристов.

— Извини, что я так настойчива, — вздохнула я. — Просто... просто все это выглядело... необычно, — я с трудом нашла подходящее слово.

— Вот что, — вдруг сказал он, поворачиваясь ко мне. — Запомни, пожалуйста, следующее. Если вдруг рядом с тобой появится человек по фамилии фон Ланц... Макс фон Ланц... впрочем... — Отец опять отвернулся к окну и замолчал.

— Фон Ланц? Имя какое-то опереточное, — сказала я, сгорая от любопытства, но теперь вместе с ним появилось беспокойство. Я смотрела на хмурое лицо отца, и беспокойство крепло, пока не вытеснило любопытство. — Папа, в чем дело? — сердито спросила я.

— Главное, чтобы ты помнила... — вздохнул он. — Этот человек враг. Мой враг. И твой тоже.

— Враг? — растерялась я. — У тебя неприятности?

— Нет-нет, — возразил он и улыбнулся, взял мою ладонь и легонько сжал ее. — Я, кажется, напугал тебя. Все в порядке. Я говорю это на всякий случай, чтобы ты знала. Вряд ли он появится здесь, и все же...

— Кто он такой? — не выдержала я. — Прекрати говорить загадками. Объясни, что происходит, что в этом конверте?

— Очень много вопросов, — засмеялся отец. — А я далеко не на все смогу ответить.

— Ты сказал, что он вряд ли здесь появится, — не отступала я. — А если все-таки появится, что я должна делать?

— Ничего, — развел он руками. — Просто знай: это враг.

— Ты разыгрываешь меня, да? — спросила я со злостью.

— Нет. Сейчас я не могу сказать тебе больше. У меня были предчувствия в отношении этого типа, сегодня они подтвердились.

14 — Ты имеешь в виду конверт, который передал тебе старик?

— Да. Я просил навести о фон Ланце справки, и вот... мои подозрения оказались не напрасными.

— Это касается твоего бизнеса? — нахмурилась я, не понимая, почему бы отцу не объяснить мне, в чем тут дело.

Он опять покачал головой:

— Бизнес здесь ни при чем. Пожалуй, мне не стоило... извини. Забудь о том, что я успел тут наговорить. Я сам ни в чем не уверен, обещаю, как только смогу, расскажу тебе все об этой истории, все, что сам знаю. Возможно, мне даже понадобится твоя помощь. Ты ведь свободно владеешь немецким?

— Да, — пожала я плечами.

— Молодец. А я с большим трудом могу изъясняться, — засмеялся он.

— Если хочешь, дам тебе несколько уроков, — улыбнулась я.

— Непременно. У тебя талант к языкам.

— Ага. Но мой английский оставляет желать лучшего.

— Уверен, ты преувеличиваешь. Как твоя учеба?

Мне стало ясно, что отец спешит перевести разговор на другую тему, я досадливо поморщилась, но возражать не рискнула, очень хорошо его зная: если он решил молчать, приставать к нему с расспросами напрасный труд. Но беспокойство не проходило, и я все-таки спросила:

— У тебя действительно все в порядке?

— Я бы не стал от тебя скрывать, будь иначе, — серьезно ответил он. — Все это касается... — Он замолчал. — Это имеет отношение к моей матери, твоей бабке. Давняя история, которая не дает мне покоя. Сейчас появилась возможность в ней покопаться.

— И для этого тебе понадобилось приехать в Италию? — вытаращила я глаза.

Моя бабка, насколько я знала, всю жизнь прожила в одном городе, практически его не покидая, и отличалась отсутствием какой-либо склонности к перемене мест.

— Когда я смогу объяснить, в чем дело, ты все поймешь. 15

— А нельзя объяснить сейчас? Ты меня заинтриговал, хуже того, я теперь здорово за тебя беспокоюсь.

— Я бы хотел для начала сам что-нибудь понять, — вздохнул отец. — А повода для тревоги нет, уверяю тебя. Просто я чересчур увлекся нашей родословной.

— И в результате у тебя появились враги? — удивилась я.

— Да, именно так. Есть тайны, которых опасно касаться и через несколько десятилетий.

— Может, тогда в самом деле не стоит ворошить прошлое? — спросила я с сомнением.

— А любопытство? — ответил отец и звонко рассмеялся.

— Ладно, — проворчала я. — Давай говорить о моей учебе.

В кафе мы пробыли часа два. Тревога понемногу оставила меня. Отец взглянул на часы, я, конечно, обратила на это внимание.

— Где у тебя встреча? — спросила я.

— Недалеко от Риальто. Пожалуй, нам пора.

— Сколько, по-твоему, продлится ваш разговор?

— Час, не больше. Чем ты собираешься заняться?

— Провожу тебя, если не возражаешь, потом пройду до Сан-Марко. Мы могли бы встретиться там.

— Отличная идея. Так и сделаем. Я позвоню тебе, как только освобожусь.

Отец расплатился, и мы покинули кафе. По узким улочкам направились в сторону моста. Заблудиться в местных лабиринтах ничего не стоило, если бы не стрелки с надписью «Риальто», которые то и дело бросались в глаза.

— Ужасный город, — заметил отец.

— Ужасный? — не поняла я.

— Ты смогла бы здесь жить?

— Вряд ли, летом тут нечем дышать, зимой туман. Сырость действует мне на нервы.

16 — Вот-вот. Я не понимал, как твоя мать способна переносить Питер, а в Венеции больше одного дня попросту бы не выдержал.

— Наверное, можно привыкнуть.

— Наверное, но я предпочел бы менее экзотическое место. Мне больше по душе Рим, там хоть чувствуешь землю под ногами, — отец засмеялся.

— Ты улетаешь завтра?

— Да. Рано утром.

— Я могла бы поехать с тобой в Верону.

— Не стоит. Завтра у тебя занятия, а в поездах меня всегда клонит в сон, так что... Скоро каникулы, приедешь домой, и мы успеем наговориться.

Я не стала возражать, в самом деле, глупо тащиться в Верону, чтобы завтра с утра опять трястись в поезде. Мы вышли к мосту и сразу оказались в толпе туристов. Отец взглянул на часы.

— Что ж... ты пойдешь пешком или поедешь на трамвайчике?

— Разомнусь немного, — ответила я.

— Я позвоню, — сказал он, целуя меня, и махнул рукой на прощание.

Он остался на мосту, а я пошла дальше, не забывая поглядывать на стрелки, намалеванные на домах, теперь над ними значилось «Сан-Марко».

Я шла довольно быстро, радуясь солнечному дню. Как всегда, площадь возникла неожиданно. Узкая улочка вдруг закончилась, и впереди показалась стена собора. Здесь было так шумно, что от разноязычного гомона толпы закладывало уши. Из-за дождей, которые шли несколько дней подряд, вода поднялась, идти приходилось по деревянному настилу. Перед входом в собор выстроилась длинная очередь, я обогнула ее, и в этот момент зазвонил мобильный.

— Да, папа, — ответила я.

— Жанна, мои планы изменились. Мне придется уехать раньше.

— А в чем дело?

— Мой приятель не смог приехать сюда. Возможно, нам удастся встретиться в Вероне.

— Ты расстроен?

— Вообще нет. В крайнем случае поговорим по телефону. Жаль, что наше свидание с тобой вышло таким коротким. Извини, что тебе пришлось тащиться сюда из Болоньи всего на несколько часов.

— Я успею тебя проводить?

— Полтора часа у меня еще есть.

— Отлично. Жди меня на мосту, я сейчас подъеду.

Я направилась к остановке трамвайчика, жалея, что не успела покормить голубей, взглянула на громаду собора и дала себе слово приехать сюда в ближайшие выходные.

Я купила билет в кассе, через минуту подошел сорок второй трамвай, я заняла место на носу судна, и через минуту оно отчалило. Туристы защелкали фотоаппаратами, слева появилась церковь Салюте, и мы вышли в Большой канал. Я вертела головой, повторяя про себя названия палаццо, мимо которых мы проплывали, и думала о том, что привыкнуть к этой красоте невозможно. Я бы точно не хотела привыкать. В некоторых городах приятно жить, а некоторыми надо любоваться. Как Венецией.

Путешествие заняло совсем немного времени, впереди показался мост Риальто, возбуждение среди туристов нарастало, фотоаппараты щелкали беспрестанно, а я увидела отца. Облокотившись на каменные перила, он смотрел в воду, стоя ближе к остановке трамвая. Я приподнялась и замахала руками, он поднял голову, увидел меня и махнул мне в ответ. Трамвай сбросил скорость, направляясь к берегу, где царила невообразимая толчея. По-прежнему стоя на носу судна, я видела, как отец идет в сторону остановки, решив встретить меня. Он уже дошел до ступеней моста, когда мое внимание привлекла фигура рядом с ним. Высокая, нелепая, в белом балахоне, капюшон надвинут на лицо, полностью закрывая его, в капюшоне прорези для глаз и рта. Это была одна из тех живых фигур, которые

18 можно встретить в многолюдных местах. В самых невероятных одеждах они замирали где-нибудь на площади, вызывая у прохожих любопытство, а иногда испуг, когда такая вот фигура вдруг неожиданно начинала двигаться.

Эта сейчас двигалась чересчур активно, тенью следуя за отцом. Он, кажется, вовсе не обращал на нее внимания. Начал спуск по лестнице, но белый балахон почему-то вызвал у меня беспокойство, показавшись довольно зловещим, может, из-за сходства капюшона с ку-клукс-клановским. «Какой-нибудь попрошайка», — подумала я, но то, что он неотступно следует за отцом, тревожило меня.

Трамвайчик причалил, пассажиры заспешили к выходу, я стояла в образовавшейся очереди, переминаясь с ноги на ногу. Попыталась вновь обнаружить в толпе отца, но из-за того, что люди вокруг стояли плотной массой, сделать это было невозможно. Наконец я вышла на берег, сделала несколько шагов и начала оглядываться. Поток людей направлялся к мосту, я вертела головой, но отца так и не увидела.

Через пару минут, когда толпа несколько поредела, я направилась к ступеням моста, решив, что папа ждет меня там. Я-то была уверена, что он будет ожидать меня возле остановки трамвая, но, наверное, ему не захотелось толкаться в толпе, и он предпочел вернуться на мост, хотя и там народу было в избытке.

Поднимаясь по ступенькам, я вновь начала оглядываться и тут заметила белый балахон — он очень поспешно скрылся в одной из узких улочек. Я с удивлением поняла, что наблюдаю это, сжав зубы, точно только что упустила своего злейшего врага.

Я поднялась на мост, решив, что с самой высокой точки непременно замечу отца. Или он заметит меня и поторопится навстречу. Я стояла у самого парапета, хмурилась, чувствуя, как тревога все больше и больше овладевает мной, потому что отца я так и не нашла. Куда же он делся?

Я достала мобильный и набрала отцовский номер. Он не ответил, и это показалось еще более странным. Может, в том шуме, что царит вокруг, он просто не слышит звонка? Наверное, мы просто разминулись с ним. Не желая толкаться в толпе туристов, отец свернул в какую-нибудь улочку и не заметил, как я прошла мимо. Но теперь он непременно бы меня увидел. Однако мысль о том, что он где-то там, внизу, в тот момент показала мне вполне вероятной, по крайней мере она хоть как-то объясняла папино странное исчезновение.

Я вспомнила белый балахон, и мне вновь сделалось не по себе. Я опять набрала номер отца и стала быстро спускаться, насколько это позволяла толпа. Отец не ответил. «Наверное, он, как и я, бестолково мечется в людском потоке, не слышит звонка и уже теряет терпение», — успокаивала я себя. Тогда почему бы ему самому не позвонить мне? Я надеялась, что максимум через пять минут увижу его и все разрешится самым банальным образом. Я опять оказалась на набережной, отца здесь не было, очередной трамвайчик только что отчалил, поток людей схлынул, и не увидеть друг друга мы просто не могли. «Ему давно пора мне позвонить, — со страхом подумала я, но тут же одернула себя: — Телефон у него мог разрядиться». Я опять вспомнила фигуру в балахоне, он мог быть уличным воришкой. Вдруг мобильный у отца украли? Мысль о белом балахоне не давала покоя, и я попробовала сообразить, в какую из улочек он свернул. Кажется, в эту.

Улочка оказалась совсем узкой и совершенно пустой, скорее всего, она заканчивается тупиком, оттого здесь и нет прохожих. Уже не пытаюсь бороться с паникой, я вновь набрала номер, слушала гудки и досадливо кусала губы. И тут некий звук привлек мое внимание: где-то совсем рядом звонил телефон. Звук был приглушенный, но вполне различимый.

В этот момент я свернула за угол и едва не споткнулась. Прямо на земле сидел отец, привалившись спиной к стене дома. Ноги у него были как-то странно поджаты, словно

20 он намеревался свернуться калачиком в приступе сильной боли. Телефон в его кармане отчаянно звонил, и я поняла, что все еще держу трубку возле уха.

— Папа, — испуганно позвала я, решив, что ему стало плохо, и наклонилась к его лицу. И тут же отпрянула, потому что сразу поняла — он мертв. Но смириться с этим было невыносимо, и я жалобно позвала: — Папа... — и даже схватила его за плечо, точно это могло привести его в чувство.

Его тело безвольно откинулось, и я увидела залитый кровью пиджак, несколько капель попало на светлый плащ. Слева в груди торчала рукоятка ножа, я смотрела на нее, пытаюсь осознать, что произошло, и тут услышала шаги сзади, резко обернулась, ожидая увидеть белый балахон, но за моей спиной стояла пожилая дама. Она видела отца, но вряд ли поняла, что он убит, потому что заботливо спросила:

— Синьору плохо?

— Вызовите полицию, — пробормотала я.

Мой сбивчивый рассказ вряд ли что-то прояснил для итальянских полицейских, что, собственно, не удивительно, раз я сама ничего не могла понять. Кто и по какой причине убил моего папу здесь, в Италии, вдали от Родины, где, как я знала, у него не было ни врагов, ни каких-то проблем? Версия ограбления была отмечена сразу: бумажник остался в кармане отца, в нем оказалась довольно внушительная сумма денег, паспорт и кредитные карточки. Мой рассказ о белом балахоне вызвал у полицейских пожатие плечами. Как я уже говорила, ряженных на площади было немало, значит, придется искать иголку в стоге сена, тем более что лицо неизвестного было скрыто. Но я была уверена, что он имеет к убийству отца прямое отношение: он вертелся за его спиной на мосту, спускался следом по ступенькам, и я видела, как он свернул в улочку, где я обнаружила папу. Хотя с уверенностью утверждать, что это та самая улочка, я не могла.

Полицию больше интересовала причина убийства, а я ломала голову над тем, зачем отец свернул на эту улицу, раз собирался встретить меня. Что произошло, почему он это сделал? Заподозрил что-то? Испугался? И поспешил выбраться из толпы? Ударить ножом человека в толпе, конечно, легко, но пустынная улица в этом смысле не безопаснее. Вдруг отец хотел проверить свои подозрения, вот и свернул, и балахон последовал за ним?

Полицейские хмурились, я сидела, погруженная в свои мысли. С нашим консульством уже связались, а то, как вели себя стражи порядка, было вполне объяснимо: неприятности никому не нужны. Наверное, они и меня вполне могли подозревать, но не торопились высказывать это вслух, а я сидела совершенно оглушенная. Гибель отца вызвала настоящий шок, именно этим я объясняю тот факт, что не вспомнила о конверте. Я отвечала на вопросы и пыталась понять, почему отец не пошел мне навстречу, а свернул на эту улицу, почему не позвонил?

Через несколько часов меня отпустили, как видно, решив, что толку от меня все равно не будет. Покинуть Венецию я пока не могла, следовало позаботиться о ночлеге.

Консульство приняло самое горячее участие в моей судьбе, и вскоре я оказалась в гостинице недалеко от вокзала, на который прибыла утром. Гостиница была старой, небольшой и уютной. Я вошла в маленький номер: три на четыре метра, окно почти до пола, кровать, шкаф, стол, телевизор, прикроватная тумбочка, в узкое пространство между кроватью и окном умудрились втиснуть кресло. Я легла, зажмурилась, как будто надеясь, что все происшедшее вдруг окажется дурным сном, и только тогда вспомнила про конверт.

Ну конечно. Никто о нем ничего не сказал, выходит, в карманах его не нашли. Что же получается? Убийца охотился за конвертом? Я вскочила и уже потянулась к телефону с намерением звонить в полицию, поражаясь тому, как я могла забыть о конверте, и злясь на себя за это, но

22 почти сразу отдернула руку. Прежде чем звонить, не лучше ли встретиться со стариком, от которого отец этот конверт получил? Возможно, антиквар объяснит мне многое...

Я подумала, что его магазин совсем рядом. Время, конечно, позднее, но, возможно, мне удастся узнать номер его домашнего телефона и позвонить. Я обулась, схватила сумку и через пять минут уже выходила из здания гостиницы.

Я была уверена, что лавку старика найду без труда, но на это ушло гораздо больше времени, чем я ожидала. Прежде всего я свернула не в тот переулок и довольно долго плутала, прежде чем поняла, что заблудилась. Пришлось вернуться к каналу и повторить наш с отцом путь. Наконец я увидела магазин. На стеклянной двери висела табличка «Закрето», за окном темнота. Я прижалась к стеклу, силясь хоть что-то разглядеть в глубине магазина, и подергала дверь. Она была заперта. Понимая, что все мои действия, скорее всего, бесполезны, я громко постучала, потом обнаружила возле двери кнопку звонка и нажала ее. Я услышала где-то в глубине помещения надоедливый трезвон. «Придется ждать до утра, — досадливо решила я и вновь удивилась: как я могла забыть о конверте, о старике и не рассказать об этом в полиции? — Надо сделать это немедленно, — подумала я. — Они допросят его...» Впрочем, хорошо зная итальянцев, я была уверена: раньше утра никто этим заниматься не станет.

В полицию я звонить не стала, нашла визитку, что дал мне мужчина из нашего консульства, и позвонила ему. Он ответил сразу.

— Дмитрий Сергеевич, — взволнованно начала я; мне показалось или он действительно тяжело вздохнул? Скорее всего, так и было, он наверняка проклинал на все лады идиота, убившего здесь его соотечественника, тем самым создав ему столько хлопот.